

УИЛЬЯМ БЛЕЙК

Песни Невинности и Опыта

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Б68

WILLIAM BLAKE
Songs of Innocence and of Experience
1789, 1794

Перевел с английского С. Степанов

Блейк У.

Б68 Песни Невинности и Опыта / Уильям Блейк ; [пер. с англ., сост. С. Степанова; вступ. ст., коммент. А. Глебовской]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 263 с. — (Серия «Пальмира — классика»).

ISBN 978-5-517-07346-4

Мысль о первоначальном бытии Вселенной находит свою параллель в начальной стадии жизни отдельного человека, которую Уильям Блейк (1757–1827) обозначает словом «невинность». Дальнейшее развитие мифа о Вселенной и человеке связано с понятием «опыта» — следствия падения, разделения, борьбы добра и зла. Венец мифа — соединение «невинности» и «опыта» и создание свободного общества. Главная книга Блейка — «Песни Невинности и Опыта», а также пророческие поэмы в этом издании представлены на языке оригинала и в современных переводах.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

© Степанов С. А., перевод на русский язык, составление, 2022
© Глебовская А. В., вступительная статья, комментарии, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-07346-4

ПРЕДВАРЕНИЕ

Великий английский поэт, художник, философ Уильям Блейк всю жизнь творил, обращаясь исключительно к потомкам. То, что будущие поколения по достоинству оценят его творчество, он знал так же твердо, как и то, что оно никогда не найдет признания у современников. Сейчас, почти двести лет спустя, ясно, что Блейк оказался прав: его произведения предназначались не для тех, кто жил на рубеже XVIII—XIX столетий. В чем-то он отстал от своего времени, в чем-то обогнал его на целый век, а в чем-то и на все два. Возможно, поэтому первое включение Блейка в контекст английской культуры состоялось лишь спустя двадцать лет после его смерти, а все тайны его гения не раскрыты и до сих пор.

Столь странная и непростая творческая судьба, вероятно, объясняется тем, что Блейк не был ни Поэтом, ни Художником, ни Философом в отдельности. Стихи его зачастую грешат против норм стихосложения, а иногда и против норм литературного английского языка, картины и рисунки — против канонов живописи и графики, философия не всегда последовательна и логична. Однако в результате возник не имеющий себе равных и подобных феноменов культуры, некое совершенно неповторимое художественное целое, которое, будучи раз постигнуто, завораживает и ошеломляет. Блейку был от природы дан неповторимый склад ума, позволивший ему проникнуть во многие сложные законы мироздания и человеческого духа; свои идеи он выражал в стихах, а чтобы сделать их

символику более понятной, дополнял иллюстрациями — такова система подчинения (естественно, в самом общем виде) в этом художественном единстве. Только с учетом этой взаимосвязи можно до конца понять поэзию «великого визионера» — порой внешне слишком простую, порой слишком сложную. Художественные средства, которыми пользовался Блейк, крайне необычны для его времени, однако именно такой странный, подчас тяжеловесный язык избрал он для выражения своих странных, подчас труднодостижимых пророческих идей, бросающих неожиданный, ослепительно яркий свет в темные глубины человеческого духа.

Жизненный путь Уильяма Блейка не дает особого простора его биографам: родился он в Лондоне 28 ноября 1757 года в семье мелкого лавочника, в Лондоне же прожил почти всю жизнь, до самой смерти 12 августа 1827 года. Ему не было отказано ни в заботе и участии родных, особенно жены, Кэтрин Блейк, ни в восхищении узкого кружка почитателей и учеников. Вне этого кружка Блейка именовали «безумцем», а чаще просто игнорировали. Ни один крупный поэт, ни один серьезный художник той эпохи не дал себе труда взглянуть в «неуклюжие стишки» и «аляповатые картинки» своего великого современника. Лишь двадцать лет спустя после смерти Блейка близкие ему по духу художники-пре-рафаэлиты «открыли» его для широкой публики.

Некоторое время Блейк обучался живописи, был учеником гравера (этим ремеслом он и зарабатывал впоследствии на жизнь), однако регулярного образования почти не получил, и в этом — еще одна причина его непонимания и неприятия современниками: восемнадцатый век привык к строгим, устоявшимся формам как в живописи, так и в литературе, в искусстве поощрялось не столько вдохновение, сколько мастерское владение традиционными приемами, и блейковская свобода, отвержение всяческих канонов и норм могли вызвать разве что недоумение. А Блейк творил, опираясь не на каноны, а исключительно на свой «пророческий дар», то есть воображение. По свидетель-

ствам, «пророческие видения» посещали поэта еще в детстве, и уже тогда его внутренняя жизнь отличалась необычным своеобразием и глубиной.

При этом реальная жизнь Блейка крайне бедна внешними событиями и, на первый взгляд, складывалась из повседневной рутины, добывания хлеба насущного (в основном — изготовлением книжных гравюр по чужим, гораздо реже — по своим оригиналам: Блейку принадлежат иллюстрации к «Божественной комедии» Данте, «Кентерберийским рассказам» Чосера, Книге Иова и др.). На протяжении всей жизни он предпринимал настойчивые попытки утвердить себя как Художника, но всякий раз наталкивался на глухую стену непонимания. Однако подобный поверхностный взгляд на биографию Блейка не менее ошибочен, чем поверхностное прочтение его стихов: его духовная биография столь сложна и богата яркими событиями, что могла бы занять многие тома. Нам же дано судить о ней лишь по его творческому наследию.

Творческое наследие Блейка — как художника, так и поэта (а именно о Блейке-поэте и пойдет у нас речь) — достаточно велико и разнообразно: от едких, желчных эпиграмм до «пророческих поэм» с их мифотворчеством и сложнейшей символикой. Хронологически оно тоже распределено крайне неравномерно: чуть ли не половина всех крупных произведений Блейка приходится на начало 90-х годов, а с 1795 по 1805 годы он не пишет практически ничего. Это свидетельствует о напряженнейших духовных исканиях, о сложном и зачастую мучительном процессе самопознания. Как и любой художник, Блейк тяжело переживал отсутствие понимания у современников, но в определенном смысле эта вынужденная изоляция сослужила ему добрую службу: его творчество всегда оставалось ориентированным исключительно на внутреннее «поэтическое видение», безо всяких поправок на вкусы и интересы публики. Над Блейком смеялись, но он до самого конца не разуверился в своем пророческом даре и сохранил приверженность своим духовным идеалам.

Одна из творческих задач, которую Блейк решал на протяжении всей жизни, — создание новой мифологической системы, так называемой «Библии Ада», которая описывала бы сложнейшие перипетии человеческого духа. К самым ранним образцам блейковской мифологии относится «Книга Тэль» («The Book of Thel»), первая (если не считать раннего, относительно незрелого «Тириэля») из «пророческих поэм», первый штрих к сложнейшей картине блейковского космоса. Тэль, воплощение невинности и неискушенности, — первый из «эмблематических персонажей» (термин Ч. Нода), то есть персонифицированных движений и состояний человеческой души, которые в дальнейшем во множестве появляются в блейковском пантеоне и будут кочевать из одного произведения в другое. Чем сложнее и разветвленное становился этот пантеон, тем более сложными делались произведения Блейка. Некоторые из его философских поэм, такие, как незавершенная «Четыре Зоа» («The Four Zoas», 1805), «Мильтон» («Milton», 1809), «Иерусалим» («Jerusalem», 1820), напоминают изощренные литературные криптограммы: образы их сложны и многомерны, сюжет крайне условен, язык вычурен и архаичен даже для блейковской эпохи. Однако наряду с ними есть у Блейка произведения до обманчивости простые по форме. Только при очень пристальном, вдумчивом чтении удастся понять, что за внешней простотой скрываются плоды мучительных духовных исканий поэта-философа. Самое известное и, в своем роде, самое совершенное из этих произведений — «Песни Невинности и Опыта».

«Песни Невинности и Опыта» («Songs of Innocence and Experience») — яркая иллюстрация того, что творчество Блейка есть синтез философии, поэзии и живописи. В 1789 году, в период создания «Песен Невинности», Блейк — к тому времени автор двух поэтических сборников («Поэтические наброски» — «Poetical Sketches», 1777, и «Остров на Луне» — «An Island in the Moon», 1784), — отчаявшись найти издателя для своих произведений, призывает на помощь свое мастерство гравера и прибегает к приему, называемому «иллюминированная печать» (Illuminated Print):

украшенные рисунком тексты стихотворений гравировались обычным способом, а затем вручную раскрашивались. У этого способа было важное преимущество — он давал полную «полиграфическую независимость» и позволял сохранить единство рисунка и текста, но был и серьезный недостаток: трудоемкость и, следовательно, ничтожное количество копий. Теперь немногие сохранившиеся «авторские издания» Блейка ценятся на вес золота, а в то время они вряд ли окупали вложенный в них труд. И все же Блейк на протяжении всей жизни продолжал гравировать все новые и новые экземпляры «Песен», продавая их по сходной (очень невысокой) цене немногочисленным заказчикам. Поначалу отдельной «книжкой» выходили «Песни Невинности», а после 1794 года Блейк объединил их с «Песнями Опыта», присовокупив к названию подзаголовок: «Показывающие два противоположных состояния души человеческой». Это краткое добавление очень красноречиво: в «простеньких стишках» Блейка речь идет о вещах отнюдь не простых.

Современники не поняли и не оценили Блейка, но поэты-романтики увидели в нем собрата по духу, и со второй половины XIX века Блейк стал широко известен, даже был признан гением и, естественно, подвергся достаточно интенсивному изучению. К этому времени относятся первые попытки интерпретировать «Песни Невинности и Опыта», описать лежащую в их основе философскую систему. Литературоведам вроде бы удалось прочесть скрытый подтекст, спаивающий воедино стихотворения Блейка и определяющий их «космическую» глубину при внешней простоте, однако по ряду пунктов — в том числе основополагающих — до сих пор ведутся жаркие споры.

Когда встал вопрос о переводе Блейка на русский язык, такое многообразие трактовок вылилось для переводчика в дополнительную трудность: ему прежде всего надлежало выбрать одну из альтернативных концепций. Исследователи творчества Блейка, среди которых прежде всего следует назвать А. Гилкрита (A. Gilchrist), Н. Фрая (N. Frye), Э. Гирша (E. Hirsch), Дж. Кейнза

(J. Keynes), Д. Эрдмана (D. Erdman), все в той или иной степени обращались к интерпретации его поэзии, но не для всех эта задача была основной (А. Гилкрист, один из самых ранних исследователей Блейка, создал замечательную биографию поэта; Д. Эрдман пытался восстановить исторический контекст, в котором создавались его произведения, и т. д.). Наиболее убедительной и логичной нам представляется концепция, предложенная американским исследователем Э. Гиршем в книге: E. Hirsch. *Innocence and Experience: an Introduction to Blake*. — Chicago, 1964. Работа Гирша содержит подробное, исчерпывающее толкование «Песен Невинности и Опыта», которое не оставляет неясностей и задает строгую, четкую схему, необходимую переводчику. Безусловно, в этой концепции есть свои слабые места. С отдельными выводами и аргументами можно спорить, однако, на наш взгляд, общий подход к пониманию поэзии Блейка — единственно верный.

Прежде чем приступить к чтению, необходимо получить хотя бы самое общее представление о философской основе книг Блейка, ибо его стихотворения бессмысленно рассматривать каждое в отдельности: они связаны между собой множеством тончайших нитей и приобретают истинное звучание только в контексте всего цикла. Чтобы приоткрыть «тайные двери» блейковского стиха, а также обосновать некоторые переводческие решения, нам придется коротко изложить теорию Э. Гирша — с теми незначительными добавлениями и корректировками, которые мы сочли необходимыми.

«Песни Невинности», создававшиеся в 1784—1789 годах, были задуманы и написаны как самостоятельное произведение, заключающее в себе законченную философскую систему, которая на тот момент была очень близка Блейку, но несколько позднее оказалась отвергнута и опровергнута в «Песнях Опыта». В этот период Блейк еще твердо придерживался библейских представлений, и его книга — своего рода гимн справедливому и милосердному христианскому Богу, который непрестанно печется о